

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА РАЗУМОВСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3115-9834; razumovskaja@mail.ru

ОБРАЗ ГОМЕРА В ПИСЬМАХ «DE REBUS FAMILIARIBUS» ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКИ

А н н о т а ц и я . Письма «De rebus familiaribus» Ф. Петрарки рисуют многоцветную картину внешней и внутренней жизни автора и очерчивают круг его корреспондентов, среди которых встречается и имя Гомера. Проблема рецепции гомеровского наследия в эпистолярной Петрарке изучена недостаточно, чем определяется актуальность исследования. Материалом являются письма, включающие прямое упоминание Гомера; цель работы – выявить и описать образ Гомера, определить его значение и функции в собрании писем. В работе используются структурный и сравнительно-сопоставительный методы. Проведенный анализ писем позволил сделать следующие выводы. Прямое упоминание имени Гомера встречается в 15 письмах собрания. Чаще Петрарка говорит о Гомере-человеке, используя сведения о его жизни в качестве примера для себя и своих адресатов. Образ Гомера-поэта символизирует величие древней поэзии и идею ученичества у первых и лучших; Гомер – это исток классической поэзии и риторики, а потому обязательная часть *cultus humanitatis*. Рядом с именем Гомера на страницах писем часто встречается имя Вергилия. Этот парный образ символизирует для Петрарки идею непрерывной связи между поколениями писателей и поэтов, звеном которой Петрарка видит и себя. Несмотря на языковой барьер, который не дает возможности непосредственного контакта с «первым из поэтов», Петрарка с радостью использует любую возможность общения. Свой ответ на письмо неизвестного корреспондента, написанное от имени гомеровской тени, автор помещает на предпоследнее место в группе писем, заключающих все собрание. Этим посланием Петрарка не только выражает свое глубокое уважение, но и четко очерчивает круг представителей новой гуманистической культуры, среди которых имя Гомера является знаковым, и ставит точку в одной из важнейших тем книги, теме дружеского общения в кругу гуманистов-единомышленников.
К л ю ч е в ы е с л о в а : ренессансный гуманизм, Возрождение в Италии, Гомер, Франческо Петрарка, «Epistolarum de rebus familiaribus», художественный образ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Разумовская Е. А. Образ Гомера в письмах «De rebus familiaribus» Франческо Петрарки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 84–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1269

ВВЕДЕНИЕ

24 книги «Epistolarum de rebus familiaribus» (350 писем; 1345–1366) – «самое раннее и, возможно, самое важное собрание прозаических писем Петрарки» [9: XVII (см. также: [8: 14]): зрелый поэт, мыслитель, ученый смотрит на себя самого и оценивает себя юного. Важность собрания состоит, прежде всего, в том, что входящие в него письма были тщательнейшим образом отобраны и отредактированы самим автором, а значит, представляют автопортрет важнейшей фигуры европейской культурной жизни XIV столетия. Собрание писем – это не столько события жизни и поступки [12], [15], сколько мысли автора, оно

позволяет судить о внутренней жизни Петрарки, а также о внутренней жизни человека его эпохи и круга.

Создавший себя буквально *de nihilo* [2: 12], Петрарка вместе с тем создает и собственный круг общения, объединяя в нем разных людей своим отношением к ним: письма адресованы более чем ста различным корреспондентам [8: 205]. Он ощущает себя человеком, родившимся не в свое время, и поэтому в круг его общения входят «немногие избранные, друзья и единомышленники, будь они живы или мертвы» [13: 87]. Одним из тех, чье имя возникает на страницах собрания, является Гомер. Вычленив и описать образ Гомера

ра, обозначить его значение и функции в книге «Epistolarum de rebus familiaribus» Петрарки и является целью данной работы.

* * *

Образ Гомера, «источка и скрепы Европейской цивилизации» [7], у Петрарки не столь вездесущ, как образ Вергилия, однако очень важен. Отсылки к Гомеру пронизывают произведения Петрарки – его лирику, письма, трактаты (см., например, интересный анализ образа Гомера в трактате «О средствах против превратностей судьбы» [5]). Мысль о Гомере повлияла и на замысел Петрарки собрать и издать собственный эпистолярный. Идея возникла в Вероне в мае 1345 года, когда Петрарка обнаружил письма Цицерона: он задумал составить собрание писем из 12 книг в подражание «Энеиде» Вергилия или «Фиваиде» Стация. Но к 1359 году, изыскивая любую возможность насладиться «confabulationum illecebris»¹ с Гомером, а затем и получив от Николая Сигероса, посла Византии в Авиньон, гомеровскую «Илиаду» в оригинале, он расширяет собрание до 24 книг, избрав в качестве образца уже гомеровские поэмы [10: XVIII]. В своих письмах Петрарка использует и отсылки к гомеровским поэмам, ссылаясь на гомеровских героев: так, например, в письме, открывающем собрание, он сравнивает себя с Одиссеем (Petrarca, 1859, I: 18). Однако материалом данной статьи будут лишь прямые упоминания Гомера в письмах «De rebus familiaribus».

Письмо (X, 4), написанное Петраркой брату, говорит, что образ Гомера был для него не только значимым, но и символическим. Это письмо-комментарий к первой эклоге «Буколик» (они были приложены), поскольку род этих стихотворений таков, что без авторского комментария смысл остается для читателя непонятным (Petrarca, 1862, II: 86). Под видом двух беседующих пастухов Петрарка изображает самого себя (Сильвий) и своего брата Герардо (Моник). Сильвий вспоминает, как в детстве и позднее он слушал «весьма сладостное» пение двух пастухов и был так им поражен, что последовал за этими певцами через горы (ст. 12–30 эклоги). Как поясняет Петрарка, первый из этих двух пастухов, «dulcissimus Parthenias», – Вергилий, а второй, «aliunde advectus pastor nobilis», – это Гомер, «nec oratio linguae particeps latinae» и потому поющий по-гречески. В описании Гомера Петрарка использует известные факты: что родина его неизвестна («de loco originis eius opiniones variae sunt»), что «de fonte homerico bibere Virgilium» (Petrarca, 1862, II: 89).

Петрарка делает особый акцент на иноземном происхождении Гомера: он называет Гоме-

ра «peregrinis generosus pastor ab oris», «canens nec murmure nostro», «advena pastor» (ст. 20–21, 38)². Признаваясь в эклоге (ст. 22, 27), что Гомер тронул его душу, в письме к брату он замечает, что в народе под именем «Гомера» ходят «в лучшем случае... сокращенные извлечения из Гомерово́й “Илиады”»³. К мысли, что Гомер нем для него, Петрарка в своих письмах еще не раз возвращается.

О Гомере Петрарка вспоминает по различным поводам в 15 письмах: говоря о собственном или о чужом творчестве, о поэзии и великих людях прошлого. Так, Гомер упоминается в рассуждениях о поэтической славе и зависти (I, 2; V, 12). Поэту Томмазо Калория из Мессины, другу еще по годам учебы в Болонье, утверждающему, что зависть не страшна великим талантам, Петрарка с горечью возражает:

«Redeat in Graeciam Plato; renascatur Homerus; reviviscat Aristoteles; revertatur in Italiam Varro; resurgat Livius; reflorescat Cicero; non modo segnes laudatores invenient, sed mordaces etiam et lividos detractores: quod quisque suis temporibus expertus est» (Petrarca, 1859, I: 30–31).

Та же мысль, что зависть не щадит ни великих поэтов, ни его самого, – в письме к Андреасу из Болоньи о клевете и критике завистника, «qui nec ipsi repercerit Homero...» (Petrarca, 1859, I: 287).

В своих письмах Петрарка часто приводит многочисленные примеры из жизни великих людей прошлого. И здесь рядом с именем Гомера у него чаще всего встречается имя Вергилия. Близкие по духу (unanimus), как Петрарка пишет в письме к Вергилию (XXIV, 11), Гомер и Вергилий в творчестве итальянца символизируют великую поэзию древности, основу для сопоставления с современной поэзией и современностью; надо сказать, что сопоставление это не в пользу современности. Например, в письме к Боккаччо «о профанации поэтического имени среди толпы и несведущих людей» (XIII, 6) Петрарка пишет:

«...Nunquam Athenis aut Romae, nunquam Homeri Virgiliique temporibus tantus sermo de vatibus fuit, quantus est ad ripam Rhodani aetate hac; cum tamen ullo unquam loco aut tempore tam nullam rei huius notitiam fuisse arbitrer...» (Petrarca, 1862, II: 234).

Рассуждая в следующем письме собрания, обращенном к аббату Петру из Оверни (XIII, 7), о болезни писательства, охватившей весь мир, Петрарка, подхватив мысль Ювенала и Горация, утверждает:

«...vix iam in publicum exire audeo. Occurrunt enim omni ex parte phrenetici, percontantur, arripiunt, docent, disputant, altercantur, dicunt quae nunquam Mantuanus pastor, nunquam Maeonius senex novit...» (Petrarca, 1862, II: 246–247).

Воспринимая древних писателей через их творения, Петрарка относится к ним как к живым собеседникам, он учится у них, используя и приведенную ими информацию, и пример их жизни. Ведь *exempla* великих мужей древности волнуют душу, дают возможность узнать что-то новое, научиться добродетели. Так, в письме (XV, 4) к Андреа Дандоло, венецианскому дожу, Петрарка пишет, что в юности, следуя гомеровским словам об Одиссее, много путешествовал и посетил «*mores hominum multorum urbesque...*» (Petrarca, 1862, II: 320), стремясь приобрести опыт и ученость.

Рассуждая в письме (VI, 3) о старости и следуя за Цицероном, Петрарка упоминает и Нестора, и Гомера. Он подчеркивает, что Гомер, несмотря на слепоту, являет собой один из примеров *senectutis iucundae*, приятной, обильной трудом старости. Даже малые крохи его трудов и через тысячи лет доставляют удовольствие читателю и трогают душу так, что частенько над страницами Гомера забываешь о собственных заботах и тяготах⁴. Автор письма будто бы примеривает старикиство, подобное этому, на себя самого.

Говоря о Гомере, «Петрарка подходит к решающему моменту литературного и шире – общекультурного – самосознания Возрождения – к проблеме подражания» [1: 129]. Мысль о необходимости подражания хорошим образцам Петрарка развивает в примерах из любимой им древней литературы:

«*Imitatio unum insigne par siderum linguae latinae Ciceronem ac Virgilium dedit, effecitque ne iam amplius Graecis ulla in parte eloquentiae cederemus. Dum hic Homerum sequitur, ille Demosthenem, alter ducem suum attigit, alter a tergo liquit*» (VI, 4) (Petrarca, 1859, I: 339–340).

Подражание, согласно мысли Петрарки, это один из первых шагов на пути к совершенству, но путь этот нужно пройти самостоятельно. А потому Петрарка сравнивает себя с древними поэтами, измеряет свой талант меркой их творчества, сравнивает он себя и с Гомером. Это и понятно: с древности у Гомера сложилась репутация первого среди поэтов и, с легкой руки Александра Македонского, слава «глашатая доблести». (Кстати говоря, образ Гомера как великого певца великих подвигов Петрарка использует в своих «Письмах о делах повседневных» лишь единожды: в письме (XXIII, 18) к меценату Никколо Аччайоли он восхищается талантами адресата, говоря, что главные из них – талант полководца и юриста – достойны пера самого Гомера (Petrarca, 1863, III: 235)). И пусть «мелонийский старец» первенствует во времени (недаром гекзаметры итальянский поэт называет

«*frena Homerica*», «гомеровской уздой» (Petrarca, 1859, I: 14)), но уж, по крайней мере, в двух вещах уверен Петрарка, он сумел вырваться вперед. Во-первых, в стремлении писать, – все время и о чем угодно. Как отмечает, комментируя письмо (XIII, 7), Л. М. Баткин,

«он объявляет эту жгучую потребность существом своей натуры, особенностью, выделяющей именно его, Петрарку. И далее превращает раздумья и рассказы о том... как он не может не сочинять, – в предмет сочинительства» [2: 116].

Во-вторых, Петрарка постоянно подчеркивает, что эпидемия сочинительства, достигшая небывалых масштабов среди его современников, родилась из-за него самого и он находится в эпицентре этого сумасшествия (Petrarca, 1862, II: 244, 245).

В одном из писем, обращенном к кардиналу Джованни Колонна (V, 5), Петрарка прямо включает себя в цепочку поэтов прошлого. Он рассказывает об ужасном шторме, произошедшем близ Неаполя в ноябре 1343 года, и замечает: пускай каждый из великих поэтов прошлого (Гомер, Вергилий, Лукан) оставил описание страшной бури, – «*Mihi si unquam vacuum tempus erit, Neapolitana tempestas carminis materiam abunde tribuet...*» (Petrarca, 1859, I: 265).

Рассуждая о собственной страсти к чтению и собирательству книг (III, 18), Петрарка проводит интересную мысль: хорошо знакомые авторы беседуют друг с другом и с ним на страницах, рекомендуют ему те или иные книги. Именно Цицерон познакомил его с Эннием, привил любовь к Варрону и к комедиям Теренция. Даже о существовании писем Цицерона он узнал от Сенеки прежде, чем увидел собственными глазами. Давно ушедшие из мира живых писатели и поэты оценивают друг друга, а чем ближе знаком тебе «оценщик», тем глубже в душу западают его суждения. И все в один голос утверждают первенство Гомера среди поэтов: «...*imo vero ab omnibus concorditer delatum Homero poetarum principi...*» (Petrarca, 1859, I: 179), – с чем, по мнению Петрарки, нельзя спорить. В другом месте Петрарка, ссылаясь на рассказ Цицерона, рассуждает о том, что Платона сравнивали с Гомером, поскольку среди философов он занимает то же место, какое Гомер занимает среди поэтов (IV, 15) (Petrarca, 1859, I: 239). Более того, имя Гомера среди поэтов и любителей поэзии вошло, со слов Горация, в поговорку, и Петрарка использует ее в письме к флорентийцу Заноби да Страда (XII, 18). Восторгаясь стихотворением своего адресата, Петрарка, однако, замечает:

«*illa carmen eximium... in primis admoneo ut, prius quam ad alienas veniat manus, intendas ubi uni versiculo,*

quem longiusculum offendi... Neque tibi forsan idcirco displiceas: scis in arte poetica scriptum esse, quod quandoque bonus dormitat Homerus» (Petrarca, 1862, II: 207–208).

Poetarum princeps: эту формулировку Петрарка повторяет и в других рассуждениях (IV, 15; XXIV, 12). Она свидетельствует о высокой оценке гомеровского творчества: для итальянца XIV века, как и для его римских предшественников, Гомер становится одним из синонимических образов-примеров, означающих «великий поэт / писатель».

С точки зрения отношения Петрарки к Гомеру наиболее важны письма XVIII, 2 и XXIV, 12. Первое из них – благодарственное письмо к Николаю Сигеросу, посланцу Византийской империи к папскому двору, приславшему в дар Петрарке «Илиаду» Гомера, «*garum munus et jucundum*». Самому Гомеру поэт дает высочайшую похвалу, называя его «*ipsum ingenii et eloquentiae fontem*» и, со ссылкой на Амвросия Макробия, «*divinae omnis inventionis fontem et originem*» (Petrarca, 1862, II: 473). Для Петрарки разговор о подарке – еще один повод сказать о себе: он, сетуя, что не может насладиться великими поэмами в оригинале (Petrarca, 1862, II: 473), подробно рассказывает о своих занятиях греческим с наставником Варлаамом, которые прервались с отъездом того к новой должности, выхлопотанной ему Петраркой, а затем и со смертью Варлаама. Он просит Сигероса о наставничестве, без которого «*Homerus tuus apud me mutus, imo vero ego apud illum surdus sum...*» (Petrarca, 1862, II: 474–475).

Второе – это письмо к самому Гомеру. Некий неизвестный корреспондент (имя его остается загадкой) написал Петрарке словно бы от имени гомеровской тени из царства мертвых; Петрарка вызов принял (свой ответ он датирует 9 октября 1360 года). И здесь проявляется глубокое уважение и восхищение Петрарки: он титулует Гомера «*Graiae Musae princeps*», «*summus*», «*caeleste ingenium*», «*dux paterque*», «*sapiens*»; сравнивает его с солнцем (Petrarca, 1863, III: 300).

Само расположение этого письма говорит о его значении в составе собрания. Об «уверенной руке литератора» (the sure hand of the man of letters) и особом внимании Петрарки к расположению писем в последней книге собрания пишет Альдо С. Бернардо, придя к выводу, что завершение XXIV книги «De rebus familiaribus» тремя письмами о превосходстве античности в поэзии отражает «тоскливый взгляд в далекое прошлое» (a wistful look toward the distant past) [11: XVII, XVIII]. Но мысль Петрарки была устремлена «не в прошлое, а в будущее» [6: 66], а потому, на наш взгляд, расположение письма к Гомеру

в собрании имеет иной смысл. Это письмо, являясь по существу последним в книге (за ним следует лишь письмо-заключение), ставит точку в одной из важнейших тем собрания – теме дружеского общения в кругу единомышленников. Отвечая на многочисленные жалобы тени, суть которых сводится к забвению, Петрарка замечает, что в этом мире, где гибнет все, Гомеру повезло. Работа грека Леонтия Пилата над латинским подстрочником гомеровских поэм возвращает его в мир живых и позволяет включить «желанного друга» в число родственных душ, в складывающийся в Италии кружок гуманистов. Как заключает Петрарка, пусть в Италии

«у тебя... мало друзей и поклонников, но, безусловно, больше, чем в любой другой (стране)... Пусть радуют тебя наш Арно и наши холмы, где бьют ключом благородные источники таланта и выют гнезда восхитительные соловьи... (перевод наш. – Е. Р.)» (Petrarca, 1863, III: 302–303).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение двадцати лет (1345–1366) «Письма о делах повседневных» отбирались, дописывались и редактировались Петраркой, и потому они отражают яркую внешнюю и внутреннюю жизнь автора. Собрание четко очерчивает круг корреспондентов-единомышленников Петрарки. Единство этого круга общения задается в первую очередь отношением к ним самого Петрарки. В этот близкий круг входят не только современники, но и предшественники. Обязательное включение гомеровских поэм в круг чтения и размышлений, а самого Гомера как художественного образа в собственное творчество многое говорит об индивидуальности автора, о его взглядах на культуру и литературу прошлого и его времени.

К 1359 году Петрарка расширил собрание до 24 книг, избрав в качестве образца гомеровские поэмы. Упомянув Гомера в 15 письмах, Петрарка чаще говорит о Гомере-человеке, а не о Гомере-певце. Гомер-певец, как Петрарка с сожалением подчеркивает в разных письмах, нем и глух для него. Из-за этого о Гомере-певце итальянский поэт говорит лишь общими фразами, всячески подчеркивая его первенство, величие, непревзойденность.

Образ Гомера символизирует для Петрарки величие древней поэзии и идею ученичества у первых и лучших. Поэтому часто рядом с именем Гомера встречается на страницах писем имя Вергилия: сама эта пара поэтов символизирует теснейшую связь между учителем и учеником, сравнявшимся с учителем или даже превзошедшим его. Вслед за Макробием Петрарка ощущает отношения между поэтами и писателями про-

шлого и современности как неразрывную связь поколений, как гомеровскую «золотую цепь» [4: 80], видит Гомера и себя самого крайними звеньями этой цепи. Гомер уникален, ведь, будучи первым в числе поэтов, именно он открыл путь искусству словесности. «Divinae omnis inventionis fons et origo», фундамент классической поэзии и риторики, «подлинной Грамматики», триумфальное возвращение которой предсказывал Анри д'Андели еще во второй четверти XIII века [3: 29], Гомер является обязательной частью cultus humanitatis Петрарки, ведь без обращения к нему подлинная поэзия невозможна.

Гомеровской меркой меряет Петрарка и себя, и свое творчество, радуясь, если ему удастся превзойти «меонийского старца» хотя бы в малости. Так, с гордостью Петрарка подчеркивает, что для него, в отличие от поэтов прошлого, писательство стало самой сущностью, — так что за «набором риторических самохвальных формул», «за

их неявной смысловой вязью» «впервые проступил легкий абрис «живого человека» в позднейшем культурном значении этого понятия» [2: 161]. И, кроме того, именно с него, Петрарки, началась в его время эпидемия сочинительства, распространившаяся далеко за пределы Италии.

Чувство неразрывной связи между поколениями писателей и поэтов побудило Петрарку с радостью ухватиться за возможность написать Гомеру письмо (XXIV, 12). Это третье из писем к великим поэтам-предшественникам (первые два обращены к Горацию и Вергилию). Закрывая собрание вместе с письмом-заключением к другу «Сократу» (Л. ван Кемпену), письмо к Гомеру четко очерчивает круг представителей новой гуманистической культуры, среди которых имя Гомера является знаковым и ставит точку в одной из важнейших тем писем — теме дружеского общения в кругу, общения, для которого ни время, ни расстояния не являются помехой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Petrarca F. Epistolae de rebus familiaribus et variae / Studio et cura I. Francasseti. Vol. I–III. Florentia: Typis Felicis Le Monnier, 1859–1863. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Petrarca F. Il Bucolicum Carmen e i suoi commenti inediti / A cura di A. Avena. Padova, 1906. P. 96.
- ³ Петрарка Ф. Эстетические фрагменты / Пер., вступ. ст. и примеч. В. В. Библихина. М.: Искусство, 1982. С. 112.
- ⁴ «Qualem autem, et quam iucundam credimus Homericam senectutem, omnibus suis accumulata et instructa curis, quarum parvae reliquiae, post annorum millia, tanta me dulcedine afficiunt atque perfundunt (puto idem aliis accidere), ut saepe mearum immemor curarum, oblitusque praesentium malorum, totus in illius caeci senis memoria conquescam?» (VI, 3). Petrarca F. Epistolae de rebus familiaribus et variae / Studio et cura I. Francasseti. Vol. I. Florentia: Typis Felicis Le Monnier, 1859. P. 321.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев М. Л. Литература Италии: Темы и персонажи. М.: РГГУ, 2008. 415 с.
2. Баткин Л. М. Петрарка на острие собственного пера. Авторское самосознание в письмах поэта. М.: РГГУ, 1995. 184 с.
3. Библихин В. В. Слово Петрарки // Петрарка Ф. Эстетические фрагменты / Перевод, вступ. ст. и примеч. В. В. Библихина. М.: Искусство, 1982. С. 7–37.
4. Голенищев-Кутузов И. Н. Влияние латинской литературы IV–V вв. на литературу средневековья и Ренессанса // Вестник древней истории. 1964. № 1. С. 64–83.
5. Девятайкина Н. И. Гомер в трактате Петрарки «О средствах против превратностей судьбы»: характер адресаций // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2023. № 14. С. 67–81.
6. Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка. Поэзия гуманизма. М.: Наука, 1974. 176 с.
7. Шичалин Ю. А. Гомер – исток и скрепа Европейской цивилизации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2020. Вып. 64. С. 9–35. DOI: 10.15382/sturIII202064.9-35
8. Antognini R. Familiarium rerum liber: Tradizione materiale e autobiografia // Petrarch and the textual origins of interpretation. (T. Barolini, H. Wayne Storey, Eds.). Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 205–230.
9. Bernardo A. S. Introduction // Petrarca F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri I–VIII. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Albany; New York: State University of New York Press, 1975. P. XVII–XXXII.
10. Bernardo A. S. Introduction // Petrarca F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri IX–XVI. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1982. P. XVII–XXII.
11. Bernardo A. S. Introduction // Petrarca F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri XVII–XXIV. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1985. P. XVII–XX.
12. Enenkel K. A. E. Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarca bis Lipsius. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. 939 S.
13. Mazzotta G. F. The worlds of Petrarch. Durham; London: Duke University Press, 1993. 232 p.
14. Mazzotta G. F. Petrarch's epistolary epic: Letters on familiar matters (Rerum familiarium libri) // Petrarch. A critical guide to the complete works. Chicago; London: University of Chicago Press, 2009. P. 309–320.
15. Wilkins E. H. Life of Petrarch. Chicago; London: University of Chicago Press, 1961. 276 p.

Поступила в редакцию 13.11.2025; принята к публикации 24.12.2025

Original article

Elena A. Razumovskaya, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)
 ORCID 0000-0003-3115-9834; razumovskaja@mail.ru

THE IMAGE OF HOMER IN FRANCESCO PETRARCH'S *EPISTOLAE DE REBUS FAMILIARIBUS*

Abstract. The collection of letters, *Epistolae De Rebus Familiaribus* by Francesco Petrarch, offers a vivid portrayal of both his external circumstances and inner thoughts, while also outlining the circle of his correspondents, among whom the name of Homer appears. The reception of Homeric heritage within Petrarch's epistolary has not been sufficiently explored, highlighting the importance of this study. This research focuses on the letters that contain explicit references to Homer, aiming to identify and describe the representation of Homer, as well as to understand his significance and functions within the collection. The methodology employed includes structural and comparative analysis. The findings reveal several key points: Homer's name is directly mentioned in fifteen letters. More frequently, Petrarch speaks about Homer the person, drawing upon his life as a model for himself and his readers. The image of Homer the poet symbolizes the greatness of ancient poetry and the ideal of mentorship from the earliest and greatest masters; Homer is regarded as the source of classical poetry and rhetoric, and thus an obligatory part of *cultus humanitatis*. Alongside Homer's name, Virgil – who is spiritually close – often appears, symbolizing the enduring link between generations of writers and poets, with Petrarch seeing himself as a link within this continuum. Although linguistic barriers prevent direct engagement with the “first of poets”, Petrarch eagerly seeks any opportunity for communication. Notably, his reply to a letter from an anonymous correspondent, written in the name of Homer's shadow, comes next-to-last in the group of letters concluding the collection. Through this message, Petrarch not only expresses his profound respect for Homer but also delineates the circle of emerging humanist figures, among whom Homer's name holds particular significance. This closing gesture also marks the conclusion of a major theme in the collection: the friendly communication among like-minded humanists.

Key words: Renaissance humanism, Italian Renaissance, Homer, Francesco Petrarch, *Epistolae De Rebus Familiaribus*, artistic image

For citation: Razumovskaya, E. A. The image of Homer in Francesco Petrarch's *Epistolae De Rebus Familiaribus*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):84–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1269

REFERENCES

1. Andreev, M. L. The literature of Italy: Themes and characters. Moscow, 2008. 415 p. (In Russ.)
2. Batkin, L. M. Petrarch on his own nib. The author's self-awareness in the poet's letters. Moscow, 1995. 184 p. (In Russ.)
3. Bibikhin, V. V. The word of Petrarch. *Petrarch, F. Aesthetic fragments*. (V. V. Bibikhin, Ed.). Moscow, 1982. P. 7–37. (In Russ.)
4. Golenishchev-Kutuzov, I. N. The influence of Latin literature of the IV–V centuries on the literature of the Middle Ages and Renaissance. *Journal of Ancient History*. 1964;1:64–83. (In Russ.)
5. Devyataykina, N. I. Homer in Petrarch's treatise “De remediis utriusque fortunae”: the nature of references. *Cursor Mundi: Man of Antiquity, the Middle Ages, and the Renaissance*. 2023;14:67–81. (In Russ.)
6. Khlodovsky, R. I. Francesco Petrarch. Poetry of humanism. Moscow, 1974. 176 p. (In Russ.)
7. Shichalin, Yu. A. Homer, the source and bond of European civilization. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*. 2020;64:9–35. DOI: 10.15382/sturIII202064.9-35 (In Russ.)
8. Antognini, R. Familiarium rerum liber: Tradizione materiale e autobiografia. *Petrarch and the textual origins of interpretation*. (T. Barolini, H. Wayne, Eds.). Leiden; Boston, 2007. P. 205–230.
9. Bernardo, A. S. Introduction. *Petrarch, F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri I–VIII*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Albany; New York, 1975. P. XVII–XXXII.
10. Bernardo, A. S. Introduction. *Petrarch, F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri IX–XVI*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Baltimore; London, 1982. P. XVII–XXII.
11. Bernardo, A. S. Introduction. *Petrarch, F. Letters on familiar matters. Rerum familiarium libri XVII–XXIV*. (Aldo S. Bernardo, Transl.). Baltimore; London, 1985. P. XVII–XX.
12. Enenkel, K. A. E. Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarca bis Lipsius. Berlin; New York, 2008. 939 S.
13. Mazzotta, G. F. The worlds of Petrarch. Durham; London, 1993. 232 p.
14. Mazzotta, G. F. Petrarch's epistolary epic: Letters on familiar matters (*Rerum familiarium libri*). *Petrarch. A critical guide to the complete works*. Chicago; London, 2009. P. 309–320.
15. Wilkins, E. H. Life of Petrarch. Chicago; London, 1961. 276 p.

Received: 13 November 2025; accepted: 24 December 2025